

Средневековая и новая история

Научная статья

УДК 94 (470.62/.67+477.75)

DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-33-52

EDN: CIWENB

**НОГАЙЦЫ ПРИАЗОВЬЯ КАК ОБРАЗЕЦ ИМПЕРСКОЙ
ПОЛИТИКИ ПО СЕДЕНТЕРИЗАЦИИ КОЧЕВЫХ ОБЩЕСТВ
В КОНЦЕ XVIII – 60-Х Г. XIX В.****Айгуль Темерхановна Джумагулова¹²**¹ Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, Элиста, Россия, aigul-men@mail.ru, orcid.org/0000-0002-4067-956X² Ставропольский государственный педагогический институт (филиал в г. Ессентуки), Ессентуки, Россия

Аннотация. В статье анализируется процесс перехода ногайских кочевых обществ, переведенных высшими центральными властями Российской империи в конце XVIII в. из Предкавказских и Прикубанских степей в Мелитопольский уезд Таврической области, в оседлое состояние. Раскрываются природно-климатические, социально-экономические и политические факторы, повлиявшие на успешный процесс перехода кочевых обществ в оседлое состояние в начале XIX в. Особое внимание уделено роли центрального и регионального аппарата государственных властей на трансформацию традиционных форм жизни, быта и хозяйственных отраслей ногайцев и период их адаптации к общеимперским реалиям. Автор обращает внимание, что успешные итоги процесса седентеризации кочевых ногайцев, реализованных российской администрацией в первой четверти XIX в., нельзя оценивать однозначно, в связи с массовым исходом ногайцев, проживавших в Таврической губернии, в пределы Османской империи в 60-х г. XIX в.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Приазовье XIX в., ногайцы, закубанцы, кочевники, седентеризация, оседлость

Благодарности и финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного гранта № 22-18-00313 «Трансформация кочевых обществ Юга России в контексте природно-климатических факторов (XIX – середина XX вв.)», <https://rscf.ru/project/22-18-00313/>

Для цитирования: Джумагулова А.Т. Ногайцы Приазовья как образец имперской политики по седентеризации кочевых обществ в конце XVIII – 60-х г. XIX в. // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 4. – С. 33-52. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-33-52. – EDN: CIWENB.

© Джумагулова А.Т., 2022

Original article

**NOGAIS OF THE AZOV REGION AS AN EXAMPLE
OF THE IMPERIAL POLICY ON THE SEDENTERIZATION
OF NOMADIC SOCIETIES AT THE END
OF THE 18TH – 60S OF THE 19TH CENTURY**

Aigul T. Dzhumagulova¹²

¹ Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Elista, Russia, aigulmen@mail.ru, orcid.org/0000-0002-4067-956X

² Stavropol state pedagogical Institute (branch in Yessentuki), Yessentuki, Russia

Abstract. The article researches the transition of Nogai nomadic societies, transferred by the supreme central authorities of the Russian Empire at the end of the XVIII century from the Pre-Caucasian and Pre-Kuban prairies to the Melitopol district of the Taurida region to a settled state. This article reveals the climatic, socio-economic and political factors influencing the successful process of transition of nomadic societies into a settled state at the beginning of the XIX century. Particular attention is paid to the role of the central and regional apparatus of state authorities on the transformation of traditional forms of life, everyday life and economic sectors of the Nogais and the period of their adaptation to the general imperial realities. The author draws attention to the successful results of the sedentarization of nomadic Nogais implemented by the Russian administration in the first quarter of the XIX century cannot be assessed unambiguously, because of the mass exodus of Nogais living in the Tauride province to the Ottoman Empire in the 60s of the XIX century.

Keywords. The North Caucasus, the Azov region of the XIX century, Nogais, Zakubans, nomads, sedentarization, settlement

Gratitude and funding: the study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of scientific grant No. 22-18-00313 «Transformation of nomadic societies of the South of Russia in the context of natural and climatic factors (XIX - mid-XX centuries)», <https://rscf.ru/project/22-18-00313/>

For citation: Dzhumagulova A.T. Nogais of the Azov region as an example of the imperial policy on the sedenterization of nomadic societies at the end of the 18th – 60s of the 19th century. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 4. – P. 33-52. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-33-52. – EDN: CIWENB.

© Dzhumagulova A.T., 2022

Введение

Вовлечение и удержание в сфере влияния российской имперской административной системы народов юга России с иными типами социально-экономического и политического устройства долгие годы рассматривались в нашей стране в контексте колониальной административно-правовой системы. На современном этапе изучения сформировалась концепция, согласно которой интеграция местных народов в общероссийское пространство происходила с учетом региональных особенностей каждой отдельной губернии. Выявление условий формирования многонациональной государственности как устойчивой структуры невозможно без исследования методов центральных и региональных государственных властей в инородческой среде, направленных на их

инкорпорацию в российское социально-экономическое, административно-правовое и культурное пространство.

Целью публикации является исследование и анализ социально-экономических, политических и природно-климатических факторов на процесс седентеризации обществ кочевых ногайцев Северного Приазовья в конце XVIII – 60-х г. XIX вв.

Публикация выполнена с опорой на принципы историзма и объективизма, что позволило изучить и проанализировать события прошлого в конкретных исторических условиях, избегая сложившихся стереотипов.

Материалы и источники. Различные аспекты истории ногайских обществ, проживавших в регионе Северного Приазовья, нашли отражение в трудах как дореволюционных исследователей, так и современных ученых. Статья И. Корниса [Корнис 1836], изданная в 1836 г., стала одним из первых исследований о таврических ногайцах. В 1860-х г. вышла в свет публикация А.А. Скальковского [Скальковский 1867], подробно описавшего историю поселения ногайцев на Молочных Водах. Дальнейшую разработку проблематики продолжил историк А.А. Сергеев [Сергеев 1912; 1913]. Используя материалы архива «Канцелярии пристава ногайских орд», он воссоздал историю социально-экономического развития ногайцев в конце XVIII – первой половины XIX вв. Не менее важны труды других исследователей этой эпохи [Бентковский 1888; Фарфоровский 1909]. В советской историографии отдельные вопросы истории приазовских ногайцев рассматривались в общем содержании вопросов истории ногайских обществ [Гаджиева 1976; Дружинина 1970; Калмыков и др. 1988]. В постсоветские годы были опубликованы работы В.В. Грибовского [Грибовский 2016], В.В. Дмитриева [Дмитриев 2019], а также автора этих строк [Джумагулова 2019; 2021], освещающих различные аспекты социально-экономического положения обществ кочевых ногайцев в истории Таврической губернии.

В публикации были использованы:

1) архивные сведения, извлеченные из Российского государственного военно-исторического архива фондов Военно-ученного архива: «Описание Таврической губернии» (дело 19065; 1807 г.), «Статистическое описание Таврической губернии» (дело 19066; 1818 г.), «Статистические материалы Таврической губернии» (дело 19067; 1823 г.), «Дело с описанием Ногайских татар Таврической губернии» (дело 19069; 1820) впервые вводимые в научный оборот;

2) материалы «Полного собрания законов Российской империи» [ПСЗРИ-I 1830; ПСЗРИ-II 1833-1842].

Результаты исследования и обсуждение

Усиление и продвижение влияния Российской империи на южных рубежах страны во второй половине XVIII в. обусловили вовлечение в сферу ее влияния обществ кочевых ногайцев. Ликвидация Крымского ханства и последующее принятие российского подданства ногайцами предопределили разработку концепции управления кочевыми ногайцами. Следует заметить, что на первых этапах, проводимая центральными властями политика в отношении ногайцев име-

ла промахи. К ним можно отнести намерение переселить ногайцев в Уральские степи в начале 1780-х г., принятое крайне отрицательно в среде ногайских обществ. Вследствие действий российского военного командования, ногайцы массово устремились покинуть пределы Российской империи. Возможность использования ногайцев со стороны Османской империи, на территорию которой они стали переселяться, вынудили изменить последующие действия в их отношении. Сдержанность и последовательность в решении административно-правовых вопросов в последующие годы будет ощущаться в отношениях с кочевниками южного порубежья. Местные власти предприняли ряд мер для возвращения ногайцев обратно в пределы России, имевших отчасти успех.

Большая часть ногайских обществ локализовалась в середине 1780-х гг. в бассейне реки Кубань [Джумагулова 2019: 86-88]. Статистические сведения о количестве народонаселения в Прикубанье в рассматриваемый период дает С.В. Фарфоровский. Так, он пишет, что «в 1754 г. их было 80 000, в 1782 г. – 56 000, в 1783 г. – только 3 000» [Фарфоровский 1909: 6]. При этом не малая доля ногайских обществ ушла в эти годы в Закубанье, к устьям рек Урупа и Лабы [Джумагулова 2019: 90]. В 1785-1790 гг. кочевые ногайцы активно перемещаются по Северному Кавказу в поисках благоприятных условий проживания. Ясский мирный договор, положивший конец русско-турецкой войне 1787-1791 гг., зафиксировал принцип разделения кочевых ногайцев на подданных российской империи и обособленных закубанцев, оставшихся кочевать на левой стороне р. Кубань. Тем не менее региональные власти не воспрепятствовали в общении родственных ногайских обществ [Джумагулова 2019: 90-91].

С 1790-х г. по распоряжению Г.А. Потемкина ногайцы, проживавшие на Северном Кавказе, были расселены в Кавказской и Таврической областях Российской империи. С этого периода политика интеграции кавказских и таврических ногайцев в состав Российской империи имела двойственный характер, представленный как геополитическими, социально-экономическими, так и природно-климатическими особенностями региона проживания ногайцев.

Территория, выделенная ногайцам в составе Таврической губернии, образовывала треугольник в Приазовье. Кочевья ногайцев начинались в устье р. Берды, впадающей в Азовское море, далее по прибрежной степи до устья Лимана или озера Молочного, а оттуда вверх по левой стороне р. Молочные воды и до вершины р. Токмак. Им было выделено в пользование 352 766 десятин земли [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19066 Л. 34]. «Полезнейшими» признавались из них не менее 700 000 десятин занимаемых пространств [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19069. Л. 21], «тут земля точная, трава растет густо и высоко, вода достается из колодезей неглубоких» [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19065. Л. 4] (Рис. 1).

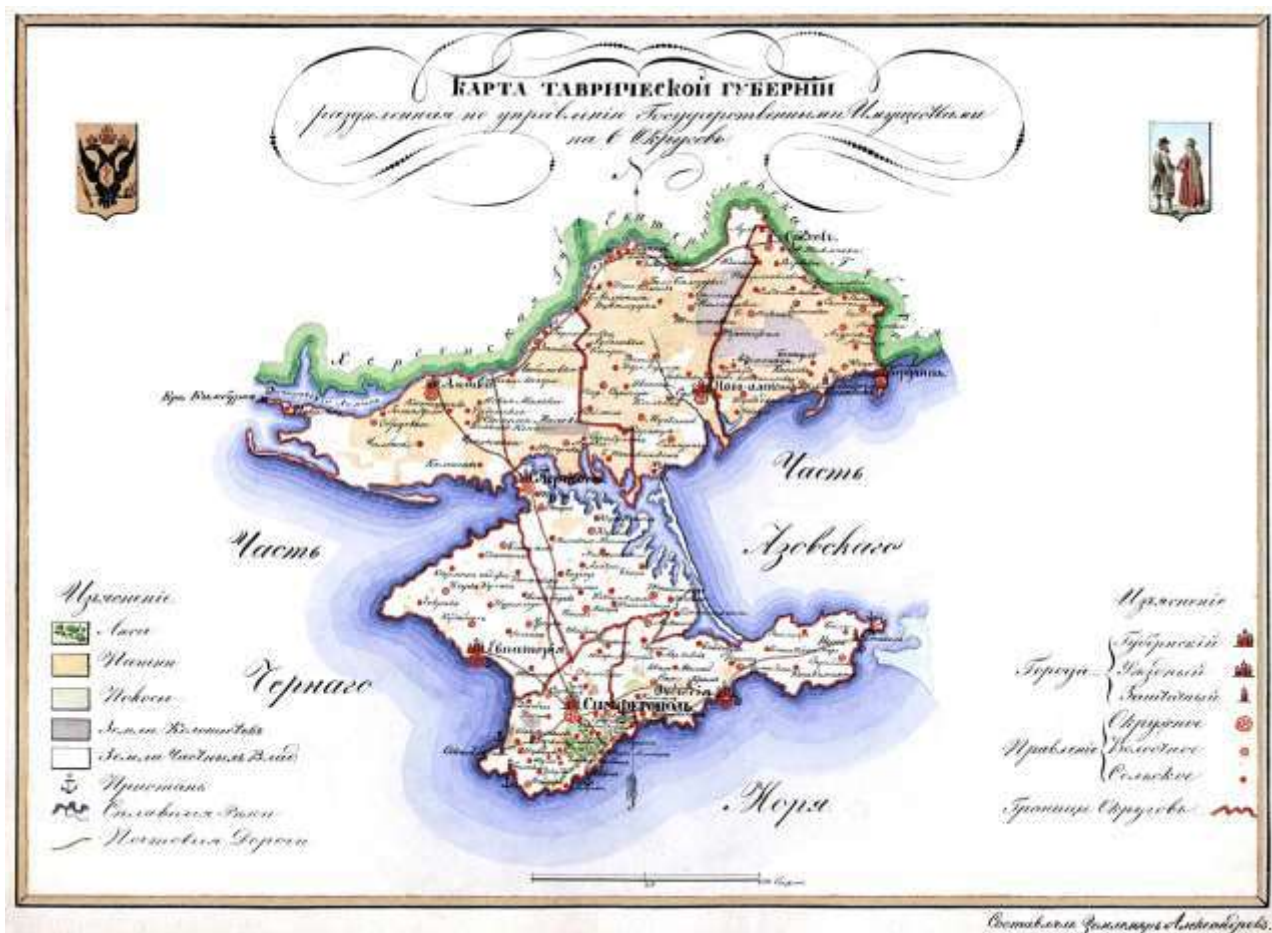

Рис. 1. Карта Таврической губернии. 1843 г. [Атлас Грибовского 1843].

В Таврическую область переселились отделения Едисанской (6544 душ), Едишкульской (1191 душ) и Джембойлукской (2152 душ) орд. После взятия Анапы в 1793 г. к ним перевели еще 7 925 ногайцев, а в 1795 г. – 534 человек из

Георгиевской крепости. Тенденция переселения в Таврическую область сохранялась и в последующие годы, вследствие миграции их северокавказских соплеменников. Тем не менее численность народонаселения оставалась в местах переселения незначительной по сравнению с их численностью в Кавказской области [Джумагулова 2019: 160]. Ногайские аулы располагались при речках, оврагах и долинах рек Молочной и Конской [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19066. Л. 35].

В местах переселения ногайцев местная администрация содействовала развитию их хозяйства и общественного быта. Внедренная система управления кочевниками, радикально отличалась от системы, сложившейся у них на Северном Кавказе. Основное различие заключалась в наделении ногайцев Приазовья самоуправленческими функциями, в то время как кавказские ногайцы были подконтрольны аппарату приставства. В правовом отношении их статус не имел четкого определения, отчего их причисляли к селянам. Тем не менее, в отличие от последних они освобождались от несения повинностей и уплаты налогов. Подобные взаимоотношения с инородцами были характерны для российских властей с иностранными колонистами в конце XVIII – начале XIX вв. [ПСЗРИ-I. Т. XVI. №11880: 313-316]. Для решения административных вопросов была учреждена экспедиция, возглавляемая представителем ногайской знати. Должность начальника ногайских орд занимал Халил-ага-эфендий [Грибовский 2016: 108-129; Сергеев 1913: 15], после его смерти, в 1791 г., должность занял Баязет-бей Султан Мурат-беев [ПСЗРИ-I. Т. XXVIII. №21752: 1032]. В экспедиции числились начальник орд, канцелярист, переводчик и писарь [Сергеев 1912: 18].

Региональными властями предполагалось развивать традиционные хозяйственные отрасли ногайцев, которые оставались «главным богатством страны... поощряя их к улучшению скота... доставлять способы сохранять улучшенные породы лошадей, рогатого скота и овец» [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19065. Л. 8-9]. Центральные власти в этом вопросе склонялись к развитию земледелия в среде кочевых обществ. Для стимулирования ногайцев к занятиям земледелием местные власти бесплатно предоставляли им семена для посева, а также необходимые сельскохозяйственные орудия труда. Общества кочевых ногайцев в благоприятных природно-климатических условиях совмещали традиционные занятия скотоводством (коневодство, овцеводство, разведение крупного рогатого скота) с выращиванием зерновых, бахчевых и огородных культур [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19066. Л. 8-26]. На закупку сельскохозяйственных орудий и устройство колодцев в степной зоне обществ кочевых ногайцев было выделено более 12 000 рублей. В дальнейшем денежные средства на благоустройство и обводнение ногайских угодий выделялись из общественного капитала ногайцев [ПСЗРИ-I. Т. XXVIII. №21752: 1034].

Переустройство административного статуса Таврической области, начатое императором Павлом I, и дальнейшее оформление губернии подняли вопросы административно-правового положения кочевых обществ в составе губернии. С 15 октября 1800 г. ногайцы лишались налогового и рекрутского иммунитета [ПСЗРИ-I. Т. XXVI. №20032: 801-805], а с 4 декабря их перевели в разряд казенных поселян. В подобных условиях ногайцы должны были, как и все прочие жители губернии, выплачивать поземельный налог в размере 75 копеек, поду-

шевой – в 56 копеек, а также оброчный – 1 рубль. Также они должны были нести рекрутскую повинность. С 10 декабря 1800 г. указом Павла I ногайцы официально закреплялись в своем новом правовом положении [ПСЗРИ-I. Т. XXVI. №19682: 429-432].

Преобразования в характере административно-правовых отношений изменили существующую автономную систему самоуправления в среде ногайцев. Ногайская экспедиция была упразднена и заменена на волостное правление. Ногайские общества стали подразделяться на Шинбадайское, Тююшковское и Меситское правления, а в Мариупольском уезде локализовалось Токмацкое правление, в составе которого находились ногайские селения. Канцелярия правления состояла из головы и писаря. Начальник ногайских орд и ногайская знать лишались функций административного контроля, за ними оставалось лишь право на разрешение внутренних гражданских споров. В административных делах кочевые общества стали подотчетны мариупольскому исправнику, а в судебных – мариупольскому нижнему земскому суду [Сергеев 1912: 19].

Тем не менее внедренные изменения в системе управления показали несостоятельность волостных правлений в среде кочевников. Волостные правления могли взаимодействовать с ногайскими обществами только в период нахождения последних в зимовниках. С наступлением потеплений, весной, ногайцы снимались с места для перекочевков [Сергеев 1912: 19]. Подобные отношения не могли отвечать целям инкорпорации ногайцев в административно-правовое пространство империи.

Внедрение волостных правлений в ногайских обществах, включавших систему налогообложения и выставления рекрутов от каждого ногайского общества, побудили ногайскую знать искать иные формы взаимоотношений, т.к. подобная система не отвечала их интересам. Следующий период в интеграции ногайцев связан с предложенным ногайской знатью проектом казацкого ногайского войска. Начальник ногайских орд ходатайствовал новороссийскому гражданском губернатору о внедрении изменений в существующую систему, однако, не найдя отклика на свое прошение, направился в Санкт-Петербург. 14 июня 1801 г. Баязет-бей представил проекту императору Александру I. В основе заявления, представленного начальником ногайских орд от лица ногайцев Приазовья, лежало восстановление иммунитета кочевых обществ к налоговым податям и необходимости выставления рекрутов от ногайцев. Также они просили дозволения приписывать в число своих обществ закубанских ногайцев, желавших переселиться на Молочные воды. Для развития традиционных хозяйственных отраслей (скотоводства, коневодства и овцеводства) ногайцы просили выделения дополнительных пастбищных угодий. Взамен ногайцы поручались иметь и обеспечивать на своем довольствовании одну тысячу ногайских казаков [Бентковский 1888: 36; Грибовский 2016: 108-129]. Император Александр I одобрил представленный проект, посчитав внедряемую систему приемлемой во взаимоотношениях с кочевыми обществами. Указом от 16 июля 1801 г. «Об освобождении ногайцев, кочующих в Новороссийской губернии, от поставки рекрут и об участии им в общей раскладке Земских повинностей» [ПСЗРИ-I. Т. XXVI, №19944: 718] ногайские общества получили желаемые по-

слабления и были официально объявлены казаками. Начальник ногайских орд Баязет-бей был удостоен чина надворного советника с жалованием в 600 рублей. Подобный подход наглядно показывает желание имперской администрации склонить и расположить к себе представителей местной знати. Так Баязет-бей в силу определенных обстоятельств становится официально главой ногайского казачьего войска, подтвержденный лично императором [Грибовский 2016: 108-111]. Тем не менее единственным пунктом, отклоненным центральными властями, стал пункт о выделении дополнительных земель ногайцам. Увеличение пастбищных угодий могло быть произведено лишь за счет земель соседних ногайских народов, а это могло привести к возникновению конфликтов на южных рубежах страны. Возможно поэтому, в распоряжении, адресованном херсонскому военному губернатору И.И. Михельсону, содержались пункты о содействии процессу оседания кочевых обществ путем строительства стационарных домов и развития земледелия [Джумагулова 2019: 164]. Так центральные власти показывали необходимый вектор развития, реализуемого на региональном уровне местными властями.

Формирование новой системы устройства ногайского общества предполагалось осуществлять по примеру Донского казачьего войска. Координация и надзор за осуществлением необходимых приготовлений поручалось региональным властям, в частности военному губернатору И.И. Михельсону. Согласно внедряемым изменениям, ногайцы Приазовья должны были представлять по распоряжению руководства свои казачьи формирования. В остальное время они могли заниматься традиционной хозяйственной деятельностью [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19069. Л. 8; Грибовский 2016: 108-111].

В октябре 1802 г. было произведено реформирование устройства ногайского полка, который был разделен на два пятисотенных. Каждый ногайский полк имел в составе полковых командиров штаб-офицерского ранга, назначаемых из лица ногайской знати. Также обязательным было наличие квартирмейстера, писаря, есаула, сотника, хорунжего. Ногайские конно-казачьи полки получили 10 сотенных знамен [ПСЗРИ-I. Т. XXVII. № 20445: 269].

Реализация новой системы казачьего ногайского войска проходила не без сложностей на местах. Первоначально в число казаков были набраны лица из числа привилегированных сословий ногайцев. Однако после сбора средств на обмундирование, они были распущены. Затем набор казаков осуществили из числа простых ногайских сословий, с содержанием за счет общественных средств. Каждая семья уплатила по 40 рублей на снаряжение двух полков. Однако этих средств было недостаточно и было собрано дополнительно по 20 рублей с каждой семьи, всего было собрано 60 000 рублей [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19069. Л. 8]. Именно в этот период вскрылась вся коррупционность правящей элиты ногайцев. К примеру, для войсковых нужд было закуплено 800 лошадей, при этом на четверых казаков выдавалась лишь одна лошадь. Оружие было закуплено некачественное, хотя в контрактах, заключаемых Баязет-беем, обозначалось обратное [Сергеев 1912: 85]. В результате, все осуществляемые действия свелись к сбору денежных средств с ногайских семей, предоставлению воинских

чинов ногайским мурзам и князьям, обмундированию ногайских казаков и выдачей им низкокачественного оружия [Скальковский 1867: 358-416].

Общественный ногайский капитал находился в полном управлении Баязет-бея, ставшего единственным уполномоченным представителем российской власти в среде ногайцев. Не последнее значение имел факт утверждения его главой казацкого войска лично императором Российской империи. В связи с автономностью управления ногайских казачьих формирований он стал единственным посредником интересов ногайцев перед региональными властями. Подобные полномочия давали Баязет-бею широкие возможности для произвола и установления единоличного правления в среде Приазовских ногайцев. Для удержания властных полномочий в своих руках Баязет-бей использовал суровые и репрессивные меры. В своей деятельности он опирался на родовые едисанские общества и ногайское духовенство, традиционно представлявших интересы правящих элит. В подобном положении едисанские общества имели прерогативы при сборе налогов на содержание казаков, а также иных внутренних повинностях, налагаемых на ногайцев. В неравных условиях в ногайских обществах в 1803 г. начались волнения, перетекшие в восстание против власти Баязет-бея [Сергеев 1912: 76-78]. Установить порядок удалось лишь после вступления отрядов донских казаков в ногайские селения. В этой конфронтации региональные власти пошли на поддержку Баязет-бея, что говорит о дальнейшем его правлении после подписания соглашения о примирении всех ногайских орд. Однако утихомирить полностью своих оппонентов Баязет-бей не смог, несмотря на жесткость проводимых им мероприятий. Осенью 1804 г. взаимоотношения внутри ногайских обществ снова обострились. Ногайцы стали массово подавать прошения о выезде за границу. В этой ситуации региональные власти были вынуждены снова вмешаться. В частности, военный губернатор Херсона А.Г. Розенберг направился с инспекцией в ногайские селения. Ревизия выявила множественные факты фальсификаций и обмана главы ногайских казачьих полков, а также отсутствие желания ногайцев нахождения в статусе казаков, что было равнозначно личному подчинению власти Баязет-бея [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19069. Л. 8 об.; Бентковский 1888: 36-38].

Учитывая сложность сложившегося положения, генерал А.Г. Розенберг освободил Баязет-бея от занимаемой должности и выслал за пределы ногайских поселений [Сергеев 1912: 26]. Ногайцев на основе их обращений решили перевести в разряд обычных поселян. Соответствующая записка была направлена на рассмотрение императора [Скальковский 1867: 358-416]. Гражданский губернатор Таврической губернии Д.Б. Мертваго был направлен для инспектирования ногайских селений, чтобы лично убедиться в желании ногайцев во внедряемых изменениях [Бентковский 1888: 38]. Подобный подход центральных властей демонстрирует осторожность в проводимых российской администрацией мерах, направленных на включение ногайцев в состав империи. Контроль за порядком в ногайских ордах возлагался на пристава Ф.И. Тревогина, находившегося под непосредственным контролем Д.Б. Мертваго [ПСЗРИ-I. Т. XXVIII. № 21752: 1033].

Неэффективность работы казачьей экспедиции и методы работы Баязетбея привели к преобразованиям в среде ногайских обществ, направленных на трансформацию их социально-экономической жизни.

Как представляется неудачный опыт создания ногайского казацкого войска в Северном Приазовье в последующие годы повлияет на нежелание центральных властей вводить схожую систему военных формирований на Северном Кавказе, предложенных региональными властями в отношении ногайцев Калаус-Саблинского и Бештово-Кумского приставств в 1836-1837 гг. [Джумагулова 2021: 55].

Следующим важным шагом в интеграции ногайцев Приазовья в общероссийское пространство стало внедрение «Положения для управления обитающих Таврической губернии Мелитопольском уезде ногайцев», утвержденного 13 мая 1805 г. указом императора Александра I «О приведении в исполнение о обращении ногайцев в земледельческое состояние» [ПСЗРИ-I. Т. XXVIII. №21752: 1036]. Так ногайцы были уравнены в своем положении с остальными жителями Таврической губернии. Состояние фактической автономии ногайцев упразднилось, а управление ими переходило в руки гражданской власти. В качестве посредника с целью надзора и попечения в ногайских ордах вводился аппарат приставства [ПСЗРИ-I. Т. XXVIII. №21752: 1039]. Для недопущения в дальнейшем подобных злоупотреблений со стороны ногайской знати приставу предписывалось собирать сведения о размере повинностей, которые несли простые ногайцы в пользу своей знати и духовенства [ПСЗРИ-I. Т. XXVIII. №21752: 1042]. Право выборных должностей от обществ и наличие обычного право для разрешения гражданских вопросов в общественной жизни ногайцев также закреплялось в «Положении...». Рассмотрение уголовных дел передавалось мелитопольскому уездному суду [ПСЗРИ-I. Т. XXVIII. №21752: 1042]. Примечательно, что в отношении ногайцев, проживавших в Кавказской губернии, первые правовые акты, регламентировавшие их права и обязанности, были внедрены лишь в конце первой четверти XIX в. в период административно-правовой деятельности главноуправляющего гражданской частью генерала А.П. Ермолова [Джумагулова 2019: 113-114].

Таким образом, период конца XVIII – начала XIX вв. стал адаптивным в отношениях кочевых ногайских обществ Приазовья и российских властей. Этому этапу были характерны наработки оптимальной формы взаимоотношений, который устраивал бы каждую из сторон. В довольно короткий период центральными властями были опробованы различные пилотные формы отношений с целью вовлечения и удержания ногайцев в имперской системе и верификации возможных форм их административно-правового и критического потенциала адаптации, аккультурации и дальнейшей их унификации.

В 1807 г. ногайским приставом стал капитан И.А. Темрез, а весной 1808 г. на его место был назначен граф Я.Я. Де-Мезон. Новый ногайский пристав видел своей основной целью реализацию задач центральных властей, направленных на трансформацию хозяйственных отраслей и общественного быта ногайцев [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19069. Л. 9 об.]. Де-Мезон с завидным усердием стал изучать особенности языка, обычаев и жизни кочевых обществ [Скальков-

ский 1867: 358-416]. Обосновав в устье реки Обиточной приставскую администрацию, он часто объезжал ногайские аулы, приводя доводы и предлоги необходимости перехода ногайцев в оседлое состояние [Сергеев 1912: 37]. Но так как эти меры не имели успеха, он запретил выдачу паспортов на выезд за границы своих кочевий ногайцам, не имевших постоянных домов [Сергеев 1912: 32]. «1809 года кибитки остановлены, татары (ногайцы – *А.Д.*), незнавшие почти домов, начали строить оные», – отмечает пристав [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19069. Л. 9 об.].

В октябре 1810 г. ногайский пристав Я.Я. Де-Мезон сообщал херсонскому военному губернатору А.Э. Ришелье, что ногайские поселения в числе 67 деревень полностью отстроены и обустроены [Скальковский 1867: 358-416]. Согласно статистическим сведениям, в 67 ногайских деревнях числилось 4043 домов и всего 669 кибиток [Бентковский 1888: 41].

Однако весной 1812 г., объезжая ногайские деревни, пристав Де-Мезон обнаружил, что построенные дома пустуют, а ногайцы продолжают жить в кибитках [Гаджиева 1976: 18]. Это побудило Де-Мезона произвести радикальные изменения в бытовой жизни ногайцев. В июне 1812 г. он организовал сход всех представителей знати, волостных голов, старшин и велел всем сжечь кибитки. Приказ пристава был исполнен [Сергеев 1912: 32]. Примечательно, что подобные решительные меры пристава не вызывали волнений и мятежей в среде ногайцев, в отличие от деятельности Баязет-бея, что демонстрирует тенденцию внедрения российских правовых норм в общественную жизнь ногайцев в первой четверти XIX в.

Деятельность Де-Мезона, по мнению региональных и центральных властей, была направлена на аккультурации диких кочевых обществ [Корнис 1836: 14]. Возможно поэтому он имел экономические и правовые прерогативы в процессе реализации своих мер. К примеру, он активно занимался облагораживанием ногайских селений. В Обиточной был насажен фруктовый сад, насчитывавший 45 000 плодовых и диких деревьев, а также разнообразные кустарники. В дальнейшем содержание сада находилось на попечении ногайцев [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19069. Л. 18 об. - 19; Бентковский 1888: 41-42].

В рассматриваемый период традиционное занятие скотоводством оставалось приоритетным видом деятельности у ногайцев, хотя постепенно оно принимало пастбищно-отгонную форму. Согласно «Табелю имуществ, посевов и урожаев хлеба» ногайцы в 1820 г. владели: лошадьми – 74 671 голов, рогатым скотом – 170 073 голов, овцами – 236 980 голов и верблюдами – 373 голов [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19069. Л. 30 - 31 об.]. Они выращивали пшеницу, рожь, ячмень, овес, просо, а также арбузы, дыни и разные овощи [11, ф. 846, оп. 16, д. 19066, л. 36]. Об объемах земледелия, можно судить по следующим данным: в 1820 г. из посева пшеницы в 44 059 четвертей ногайцы получили урожай хлеба в 287 048 четвертей [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19069. Л. 30 - 31 об.]. Площадь кочевых угодий ногайцев постоянно сокращалась за счет увеличения численности ногайских аулов. Тенденция переселения с Северного Кавказа в район с благоприятными природно-климатическими, социально-экономичес-

кими и политическими условиями сохраняется в первые десятилетия XIX в. [Гизер 2001: 212].

В мерах по обустройству ногайских обществ принимали участие представители всех уровней региональной власти: пристав ногайских орд, таврический губернатор, херсонский военный губернатор [Дмитриев 2019: 9]. Производимые изменения, касавшиеся основ социально-экономического уклада ногайцев, внедрялись постепенно, что говорит о продуманной политике, проводимой местными властями. Развитие земледельческих отраслей носила постепенный характер, и осуществлялась путем наращивания объема посевных земель, что благоприятно влияло на экономику ногайцев [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19066. Л. 20-25]. Ногайцы активно торговали на местных базарах и ярмарках, продавая избытки скотоводческих и земледельческих продуктов. Ногайцы выезжали и в крупные города: Евпаторию, Феодосию, Карасубазар, Симферополь, Перекоп [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19066. Л. 20-26]. Из производимой торговли они получали до 4 000 000 рублей [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19069. Л. 21].

Следует так же отметить, что соседи ногайцев, менониты и духоборы, нередко обращались к ногайскому приставу и местным властям с жалобами на скотокрадство со стороны ногайских обществ [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19069. Л. 13; Сергеев 1912: 51].

Таким образом, ногайцы в результате внедренных изменений составляли 4 ногайские волости: Ашинскую, Корсакскую, Молочанскую и Кильтичинскую. В 1820 г. в социальной стратификации ногайцев выделялись следующие сословия: 242 человека составляли ногайскую знать, 539 человека попадали в разряд духовенства, 40 732 человек составляли сословия ногайцев, несущие повинности, как в пользу государства, так и в пользу своей знати, из них 22 290 мужчин и 18 442 женщин [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19069. Л. 30 - 31 об.], и 809 человек, находились на льготном положении в обществах, т.е. освобожденные от участия в общей раскладке повинностей (вдовы, сироты и т.д.) [Джумагулова 2019: 180]. Важным изменением в социальных отношениях обществ кочевых ногайцев стало исчезновение класса рабов к концу первой четверти XIX.

Ногайские общества Приазовья несли ряд закреплённых за ними повинностей, в числе которых были содержание приставской администрации, почтовых станций, мостов, дорог, находившихся на ногайских землях, а также частичное содержание войск, локализовавшихся в Таврической губернии, и все прочие натуральные земские повинности [ПСЗРИ-I. Т. XXVI. № 19944: 718] (Рис. 2).

Рис. 2. Ногайский аул. Приазовье. XIX в. [Schlatter 1836: 74]

9 июля 1819 г. ногайский пристав Я.Я. Де-Мезон представил прошение региональным властям о необходимости ликвидации должности пристава в среде ногайцев, признавая, что подопечные ему общества вышли из кочевого состояния и не требуют со стороны администрации особого надзора. Аргументируя свои слова, он писал, что сбор повинностей осуществлялись волостными правлениями, судебные дела рассматривались в мелитопольском нижнем суде, а работа пристава заключалась в отписках по текущим делам [Скальковский 1867: 409]. Новороссийский генерал губернатор граф А.Ф. Ланжерон, ревизируя ногайские поселения в 1820 г. подтвердил слова Де-Мезона [Сергеев 1912: с. 51]. Тем не менее власти не спешили ликвидировать должность пристава, ставшим к этому периоду промежуточным звеном в отношениях власти и обществ кочевых ногайцев. С 1821 по 1823 гг. должность ногайского пристава занимал И. Анищенко, а с 1823 г. – П. Барактарев [Дмитриев 2019: 13].

18 января 1821 г. для укрепления оседлого состояния и развития хозяйственных отраслей ногайцев был учрежден город Ногайск (современный город Приморск) [ПСЗРИ-I. Т. XXXVII. № 28523: 564-566]. Вследствие невыгодного расположения города, находившегося в 4 верстах от моря, заселение производилось очень медленно, несмотря на меры поддержки со стороны местных властей. Так, к примеру, поселившиеся в Ногайске горожане получали налоговый иммунитет от государства в течение 10 лет. Однако и эти меры не увлекали поселенцев. В 1825 г. в городе числилось всего 34 дома с населением 298 человек.

Осенью 1825 г. Ногайск посетил император Александр I, во время инспекционной поездки по Крыму. Он остался довольным обустройством ногайских поселений губернии [Сергеев 1912: 56] (Рис. 3).

Рис. 3. Вид проспекта города Ногайска. Открытка конца XIX в. [Электронный ресурс. URL: <https://www.etoretro.ru> (дата обращения: 01.09.2022)].

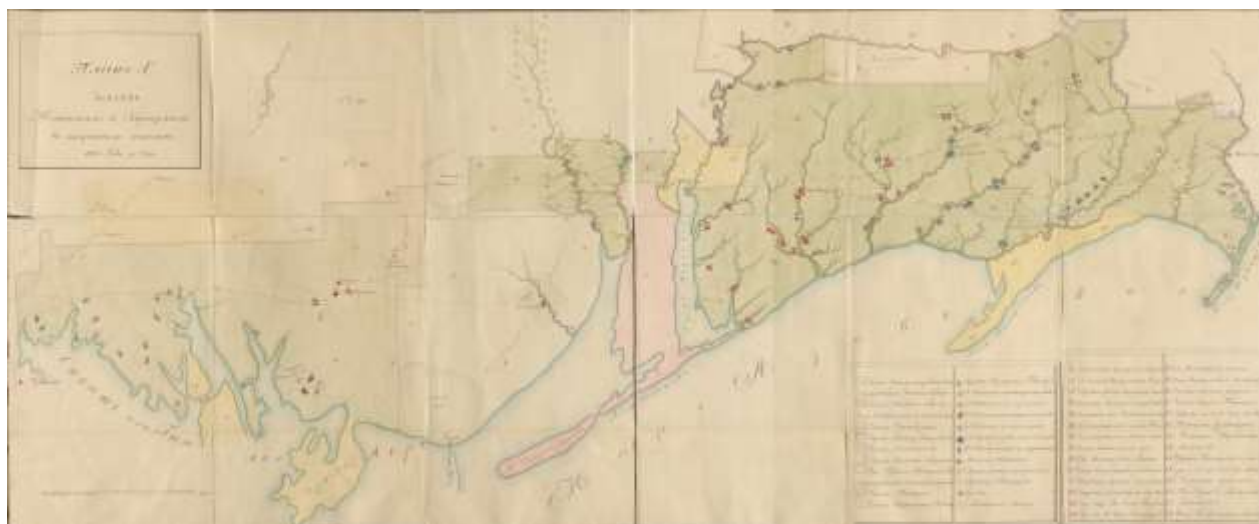
В 1825 г. в Ногайске была учреждена школа для местного населения. Русский язык и арифметику в нем преподавали русские учителя, ногайский язык и арабскую письменность — ногайские муллы. Подобный шаг был призван обеспечить лояльное отношение ногайцев к школе. Однако ногайцы неохотно отдавали детей на обучение, так как строгий режим, суровость учителей и необустроенность квартир были известны во всей округе [Сергеев 1913: 183]. О нарушениях, имевших место в школе, стало известно даже министру внутренних дел Д.Н. Блудову. Расследование подтвердило недопустимые и порой вопиющие для школы нарушения [Сергеев 1913: 184]. Позже для ногайских юношей был открыт государственный пансионат, которым заведовал русский учитель [Сергеев 1912: 57-60].

Согласно сведениям, в рассматриваемый период, в Мелитопольском уезде числилось 81 ногайское селение, 5 925 дворов, 18 209 мужчин, 19 168 женщин. При этом они имели 138 080 голов крупного рогатого скота и 59 667 лошадей [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19067. Л. 136].

Таким образом, в первой трети XIX в. центральными и региональными властями осуществлялись энергичные меры по внедрению оседлых форм жизни кочевым обществам и разрушению традиционного уклада ногайцев. Для до-

стижения этой цели они уделяли внимание административно-правовой и хозяйственно-экономической аккультурации ногайских обществ. Важным направлением их деятельности стала защита ногайцев от злоупотреблений скупщиков. Ногайцы часто становились объектом мошенничества со стороны местных торговцев, скупавших за бесценок их товары. Для прекращения подобных афер все торговые манипуляции было разрешено проводить лишь в селении Обиточной, а затем в Ногайске. Там были расположены весы, построены амбары для хранения зерна, здесь же ногайцам сообщалась примерная стоимость реализуемого товара. Так местные власти пытались оградить ногайцев от притеснений, которые по незнанию поддавались хитростям и обманам торговцев [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19069. Л. 15; Дмитриев 2019: 10].

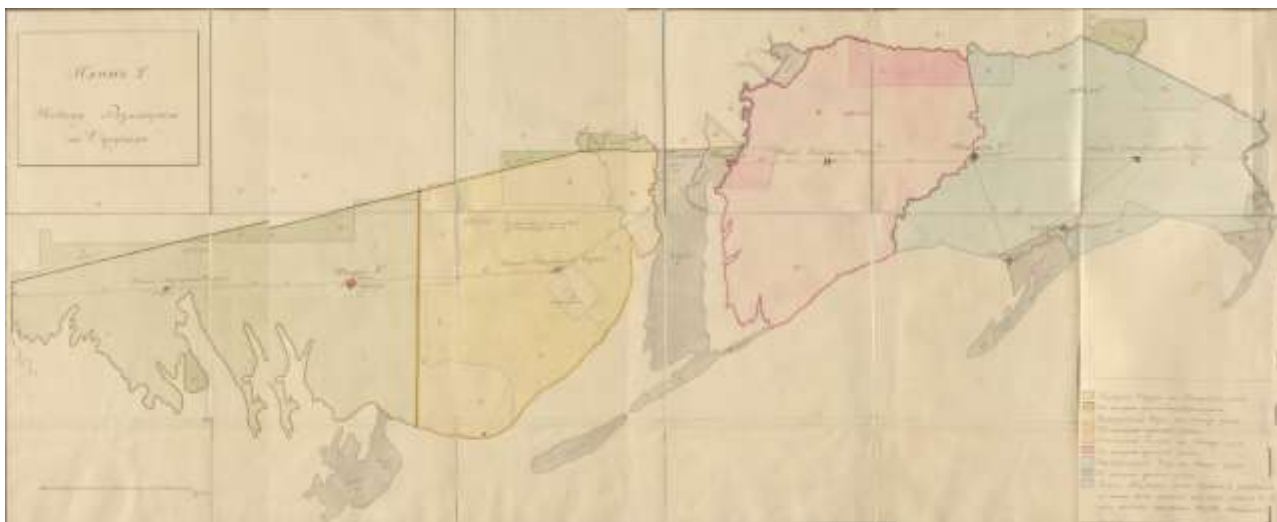
Примечательно, что в 1820-х гг. местными властями рассматривалась возможность создания из ногайских поселений военных формирований с разделением на четыре полка сообразно традиционному разделению ногайских орд, с созданием соответствующих штабов: Едишкульского, Едисанского и Джембойлукского. Четвертый штаб предполагалось создать из киргизских поселений на Молочных водах. К этому периоду ногайцы локализовались в шести волостях Мелитопольского и двух волостях Днепровского уездов [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19069. Л. 10 об.] (Рис. 4).

*Рис. 4. План землям ногайским и киргизским. 1820 г.
[РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19069. Л. 38]*

Перевод ногайцев в военное состояние предполагалось произвести с целью аккультурации, «подчинить их такому правлению, которое бы, согласно с пользою Отечества, занялось их образованием паче же сближением последующих поколений к образованным народам» [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19069. Л. 21 об. - 22]. Соответствующее правление, по мнению местных властей, «есть военное поселение» [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19069. Л. 22] (Рис. 5). Как представляется, проект не нашел одобрения у центральных властей.

*Рис. 5. План новому размещению по округам. 1820 г.
[РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19069. Л. 39]*

24 августа 1832 г. были произведены последние адаптивные изменения в процессе инкорпорирования местных ногайских обществ в состав России. Должность пристава была ликвидирована, в городе Ногайске были созданы органы полицейского контроля. В административно-правовых делах ногайцы переходили в ведение мелитопольского нижнего земского суда. Ногайск утратил значение общеадминистративного центра. Руководство пансионатом, ногайским садом, строениями и пристанями перешло в велеение полицеймейстера [ПСЗРИ-II. Т. VII. №5579: 567]. В рассматриваемый период ногайские общества составляли 6 волостей: Тоголинскую, Айтамгалинскую, Алшинскую, Единохтенскую, Ногайскую, Джуретскую Мелитопольского и Днепровского уездов [Сергеев 1913: 181]. В 1842 г. в Таврической губернии был образован Бердянский уезд. В новый административный уезд вошел основной костяк ногайских селений [ПСЗРИ-II. Т. XVII. №15193: 3-4]. В последующие годы в системе административно-правовой и социально-экономической этатизации ногайцев происходит ликвидация особенностей самобытной культуры ногайских обществ и вводится общеимперская административная система, характерная для центральных регионов Российской империи [Дмитриев 2019: 6]. Тем не менее, в 1830-1860-е гг. были зафиксированы многочисленные злоупотребления властных структур и местной администрации по отношению к ногайцам [Сергеев 1913:201].

В последующие десятилетия ногайцы Приазовья не требовали специальной опеки со стороны центральных и региональных властей, в виду полной их адаптации к общеимперским реалиям, вплоть до массового переселения ногайцев в Османскую империю в 60-х г. XIX в., что подтверждает мнение о том, что действия властей в процессе седентеризации ногайцев нельзя оценивать однозначно.

Выводы

В процессе перехода кочевых ногайских обществ, проживавших в Приазовье с конца XVIII по 60-е г. XIX вв., к формам оседлой жизни можно выделить несколько направлений:

1) благоприятные природно-климатические условия. Переход к оседлости и развитие земледелия у ногайцев Приазовья происходило на фоне благоприятных природно-климатических условий. Особенности черноземных почв, доступность водных ресурсов способствовали развитию земледельческих отраслей; богатство и разнообразие сенокосных трав позволили ногайцам безболезненно перейти к пастбищно-отгонной форме скотоводства, не уменьшая количества поголовья скота;

2) роль региональных властей. Большую роль в процессе интеграции ногайских кочевых обществ Приазовья сыграли региональные власти, которые разрабатывали многие законопроекты, получавшие в дальнейшем поддержку центральных властей. Реализация основных мер, направленных на трансформацию жизни кочевников, происходило на местном уровне. Предоставив ногайским обществам защиту в социально-экономической сфере, региональные власти способствовали дальнейшим положительным изменениям традиционного уклада жизни ногайцев;

3) постепенная адаптация кочевых ногайских обществ к общеимперским реалиям, которая предполагала поэтапное изменение общественно-политических институтов. На первом этапе – с 1790 по 1804 гг. – происходила выработка приемлемой системы управления кочевыми обществами. На втором этапе – с 1805 по 1831 гг. – административная система управления ногайцами, была подвергнута изменениям. Институт приставства, созданный в ногайских кочевьях был призван обеспечить дальнейшее сближение ногайских кочевых обществ с общероссийской системой. На третьем этапе – с 1830-х по 1860-е гг. – происходила ликвидация остатков самобытной традиционной (кочевой) жизни ногайцев и окончательная этатизация ногайцев в государственной административно-правовой и социально-экономической системах.

Не смотря на успехи административно-правовой аккультурации ногайцев Приазовья, развития технологий обработки земли и сельского хозяйства, постройку постоянных домов и одноименного города, эти и другие меры центральных и региональных властей не сдержали ногайцев Приазовья от процесса вовлечения в процесс переселения в Османскую империю, одновременно с ногайскими обществами, проживавшими на Северном Кавказе в 50-60-е гг. XIX в.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Атлас Грибовского 1843 – Карты губерний подведомственных Управлению Первого департамента Государственных Имуществ с приложением кратких статистических ведомостей / Составлены под руководством старшего землемера Грибовского. – Спб.: [б. и.], 1843. – 33 с.

Бентковский 1888 – *Бентковский И.В.* Историко-статистическое обозрение инородцев-магометан, кочующих в Ставропольской губернии. Ногайцы. Часть 1. – Ставрополь: Типография Губернаторского Правления, 1888. – 134 с.

Гаджиева 1976 – *Гаджиева С.Ш.* Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX вв. – М.: Наука, 1976. – 227 с.

Гизер 2001 – *Гизер С.Н.* Турецкий источник по истории буджакских ногайцев // Записки науково-дослідної лабораторії історії Південної України Запорізького державного університету: Південна Україна XVIII-XIX століття. – Запоріжжя: РА «Тандем-У». – Вип.6. 2001. – С. 212-215.

Грибовский 2016 – *Грибовский В.В.* Ногайское казачье войско // Средневековые тюрко-татарские государства. – 2016. – № 8. – С. 108-129.

Джумагулова 2019 – *Джумагулова А.Т.* Ногайцы Северного Кавказа, Крыма и Северного Причерноморья в социально-политических и экономических коллизиях XVIII – 60-х гг. XIX вв. – Пятигорск: РИА-КМВ, 2019. – 248 с.

Джумагулова 2021 – *Джумагулова А.Т.* Ногайцы у Бештовых гор и на Кавказских Минеральных Водах // Археология и этнология Северного Кавказа. Сборник научных трудов. Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2021. – Вып. 11. – С. 44-67.

Дмитриев 2019 – *Дмитриев В.В.* Ногайцы Северного Приазовья и калмыки Поволжья: сравнительный анализ имперской политики аккультурации в системе управления и хозяйственной деятельности // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. – Т. 10. – Выпуск 8 (82). URL: <https://history.jes.su/s207987840006010-0-1/> DOI: 10.18254/S207987840006010-0

Дружинина 1970 – *Дружинина Е.И.* Южная Украина в 1800 – 1825 гг. – М.: Наука, 1970. – 388 с.

Калмыков и др. 1988 – *Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И.-М.* Ногайцы: Историко-этнографический очерк. – Черкесск: Ставропольское книжное издательство Карачаево-Черкесское отделение, 1988. – 232 с.

Корнис 1836 – *Корнис И.* Краткий обзор положения ногайских татар, водворенных в Мелитопольском уезде Таврической губернии // Телескоп. – М. 1836. – Ч. XXXIII. № 9. – С. 3-23; 210-230; 269-297.

ПСЗРИ-I – *Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое.* 1649-1825 гг.: В 45 т. — СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Т. XVI–XXVIII. 1830.

ПСЗРИ-II – *Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе.* 12 декабря 1825 – 28 февраля 1881 гг.: В 55 т. — СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Т. VII, XVII. 1833-1885.

РГВИА – *Российский государственный военно-исторический архив.*

Сергеев 1912 – *Сергеев А.А.* Ногайцы на Молочных водах (1790-1832). Исторический очерк // Известия Таврической ученой архивной комиссии. – Симферополь: Типография Тавр. Губернск. Земства. – №48. 1912. – С. 1-144.

Сергеев 1913 – *Сергеев А.А.* Уход Таврических Ногайцев в Турцию в 1860 г. // Известия Таврической ученой архивной комиссии. – Симферополь: Типография Тавричesk. Губерн. Земства. – № 49. – 1913. – С. 178-223.

Скальковский 1867 – *Скальковский А.А.* О ногайских колониях Таврической губернии // Памятная книжка Таврической губернии. – Симферополь. – Вып. I. – 1867. – С. 358-416.

Фарфоровский 1909 – *Фарфоровский С.В.* Ногайцы Ставропольской губернии. Историко-этнографический очерк // Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества. – Тифлис: тип. П.П. Козловского. – Кн. XXVI. – Вып. 7. – 1909. – 34 с.

Pallas 1812 – *Pallas P.S. [Паллас П.С.]*. Travels through the southern provinces of the Russian Empire, in the years 1793 and 1794 in 2 volumes [Путешествия по южным границам Российской империи в 1793-1794 гг.]. — London: Printed for J. Stockdale. –Vol. 1. – 552 p. (на англ. яз.).

Schlatter 1836 – *Schlatter D. [Шлаттер Д.]*. Bruchstücke aus einigen Reisen nach dem südlichen Russland in den Jahren 1822 bis 1828: mit besonderer Rücksicht auf die Nogaijen-Tartaren am Asowschen Meere [Фрагменты из некоторых поездок по южной России в 1822-1828 гг.:

особое внимание (уделено) к Ногайским Татарам, проживающим возле Азовского моря]. – St. Gallen & Bern: Huber & Comp. 1836. – 496 p. (на немец. яз.).

REFERENCES

BENTKOVSKII I.V. *Istoriko-statisticheskoe obozrenie inorodtsev-magometan, kochuyushchikh v Stavropol'skoi gubernii. Nogaitsy. Chast' 1* [Historical and statistical review of non-native mohammedans wandering in the Stavropol province. Nogais. Part 1]. – Stavropol': Tipografiya Gubernatorskogo Pravleniya, 1888. – 134 p. (In Russ.).

DMITRIEV V.V. *Nogaitsy Severnogo Priazov'ya i kalmyki Povolzh'ya: sravnitel'nyi analiz imperskoi politiki akkul'turatsii v sisteme upravleniya i khozyaistvennoi deyatelnosti* [Nogais of the Northern Azov region and Kalmyks of the Volga region: a comparative analysis of the imperial policy of acculturation in the system of management and economic activity] IN: *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal «Istoriya»*. – 2019. – Vol. 10. – № 8 (82). URL: <https://history.jes.su/s207987840006010-0-1/> DOI: 10.18254/S207987840006010-0 (In Russ.).

DRUZHININA E.I. *Yuzhnaya Ukraina v 1800 – 1825 gg.* [Southern Ukraine in 1800 – 1825] – Moscow: Printing house Nauka, 1970. – 388 p. (In Russ.).

DZHUMAGULOVA A.T. *Nogaitsy u Beshtovykh gor i na Kavkazskikh Mineral'nykh Vodakh* [Nogais near the Besht Mountains and in the Caucasian Mineral Waters] IN: *Arkheologiya i etnologiya Severnogo Kavkaza. Sbornik nauchnykh trudov. Nal'chik: Redaktsionno-izdatel'skii otdel IGI KBNTs RAN, 2021. – Vol. 11. – P. 44-67.* (In Russ.).

DZHUMAGULOVA A.T. *Nogaitsy Severnogo Kavkaza, Kryma i Severnogo Prichernomor'ya v sotsial'no-politicheskikh i ekonomicheskikh kolliziyakh XVIII – 60-kh gg. XIX vv.* [Nogais of the North Caucasus, Crimea and the Northern Black Sea region in the socio-political and economic conflicts of the XVIII-60s of the XIX centuries]. – Pyatigorsk: RIA-KMV, 2019. – 248 p. (In Russ.).

FARFOROVSKII S.V. *Nogaitsy Stavropol'skoi gubernii. Istoriko-etnograficheskii ocherk.* [Nogais of the Stavropol province. Historical and ethnographic essay] IN *Zapiski Kavkazskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva* [Notes of the Caucasian Department of the Imperial Russian Geographical Society]. – Tiflis: Printing house P.P. Kozlovskogo. Vol. XXVI, release 7. 1909. – 34 p. (In Russ.).

GADZHIEVA S.Sh. *Material'naya kul'tura nogaitsev v XIX - nachale XX vv.* [The material culture of the Nogais in the XIX - early XX centuries]. – Moscow: Printing house Nauka, 1976. – 227 p. (In Russ.).

GIZER S.N. *Turetskii istochnik po istorii budzhakskikh nogaitsev* [Turkish source on the history of the Budjak Nogais] IN: *Zapiski naukovu-doslidnoï laboratorii istorii Pivdennoï Ukraïni Zaporiz'kogo derzhavnogo universitetu: Pivdenna Ukraïna XVIII-XIX stolittya. – Zaporizhzhya: Printing house RA «Tandem-U». – Vol. 6. 2001. – P. 212-215.* (In Russ.).

GRIBOVSKII V.V. *Nogaiskoe kazach'e voisko* [Nogai Cossack Army] IN: *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva* [Medieval Turkic-Tatar states]. – 2016. – № 8. P. 108-129. (In Russ.).

KALMYKOV I.KH., KEREITOV R.KH., SIKALIEV A.I.-M. *Nogaitsy: istoriko-etnograficheskii ocherk* [Nogais: a historical and ethnographic essay]. – Cherkessk. Stavropol'skoe knizhnoe izdatel'stvo Karachaevo-Cherkesskoe otdelenie, 1988. – 232 p. (In Russ.).

Karty gubernii podvedomstvennykh Upravleniyu Pervogo departamenta Gosudarstvennykh Imushchestv s prilozheniem kratkikh statisticheskikh vedomostei [Maps of provinces subordinated to the Department of the First Department of State Property with the appendix of brief statistical statements] / *Sostavleny pod rukovodstvom starshego zemlemera Gribovskogo. – St. Petersburg: [b. i.], 1843. – 33 p.* (In Russ.).

KORNIS I. *Kratkii obzor polozheniya nogaiskikh tatar, vodvorennykh v Melitopol'skom uezde Tavricheskoi gubernii* [A brief overview of the situation of the Nogai Tatars settled in the Melitopol district of the Tauride province] IN: *Teleskop. – Moscow: 1836. – Vol. XXXIII. №9. – P. 3-23; 210-230; 269-297.* (In Russ.).

PALLAS P.S. Travels through the southern provinces of the Russian Empire, in the years 1793 and 1794 in 2 volumes. — London: Printed for J. Stockdale. — Vol. 1. — 552 p. (In English).

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii. Sobranie Pervoe [The complete collection of laws of the Russian Empire. The First Meeting]. 1649-1825 gg.: V 45 t. — Saint-Petersburg: Printing house II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. Vol. XVI — XXVIII. 1830. (In Russ.).

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii. Sobranie Vtoroe [The complete collection of laws of the Russian Empire. The Second Meeting]. 12 dekabrya 1825 — 28 fevralya 1881 gg.: V 55 t. — Saint-Petersburg: Printing house II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. Vol. VII, XVII. 1833-1885. (In Russ.).

Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian State Military Historical Archive]. (In Russ.).

SCHLATTER D. Bruchstücke aus einigen Reisen nach dem südlichen Russland in den Jahren 1822 bis 1828: mit besonderer Rücksicht auf die Nogaijen-Tartaren am Asowschen Meere [Fragments from some trips to southern Russia in the years 1822 to 1828: with special regard to the Nogaijen Tartars on the Azov Sea]. — St. Gallen, Bern: Huber & Comp. 1836. — 496 p. (In German).

SERGEEV A.A. *Nogaitsy na Molochnykh vodakh (1790-1832). Istoricheskii ocherk* [Nogais on Milk waters (1790-1832). Historical essay] IN: *Izvestiya Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. — Simferopol': Printing house of the Tauride Gubernsk Zemstvo. — № 48. 1912. — P. 1-144. (In Russ.).

SERGEEV A.A. *Ukhod Tavricheskikh Nogaitsev v Turtsiyu v 1860 g.* [Departure of the tauride nogais to Turkey in 1860] IN: *Izvestiya Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. — № 49. — Simferopol': Printing house of the Tauride Gubernsk Zemstvo, 1913. — P. 178-223. (In Russ.).

SKAL'KOVSKII A.A. О nogaiskikh koloniyakh Tavricheskoi gubernii [About Nogai colonies of the Tauride province] IN: *Pamyatnaya knizhka Tavricheskoi gubernii*. — Simferopol'. — Vol. 1. 1867. — P.358-416. (In Russ.).

Информация об авторе

А.Т. Джумагулова – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the author

A.T. Dzhumagulova – Candidate of Sciences (History), associate professor.

Статья поступила в редакцию 12.10.2022 г.; одобрена после рецензирования 26.10.2022 г.; принята к публикации 15.12.2022 г.

The article was submitted 12.10.2022; approved after reviewing 26.10.2022; accepted for publication 15.12.2022.